

В. В. В. Памяти А.П. Чехова. (К 30-летию его смерти). (Доклад И.Л. Тартака в О-ве Друзей Русской культуры) // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1934. 29 ноября. № 7976. С. 3.

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА

(К 30-ЛЕТИЮ ЕГО СМЕРТИ)

(Доклад И. Л. Тартака в О-не Друзей Русской Культуры)

Доклад И. Л. Тартака был посвящен анализу творчества и личности А. П. Чехова, поскольку данные для нашего анализа могут быть почерпнуты не в самих произведениях Чехова, а в его личной переписке. Эти письма всегда откровенные, нередко резкие и беспощадные, иногда поэтически нежные — вскрывают всю глубину изумительно гармоничной души великого писателя.

Письма Чехова произвели огромное впечатление на критическую и литературную мысль Англии нашего времени, где письма Чехова вошли в учебники школы, где самые выдающиеся и тонкие знатоки литературы утверждают, что Чехов есть подлинный «Герой нашего времени», нашей эпохи, как выразитель истинной сущности духа нашего времени.

Профессиональная, присяжная литературная критика в России Чехова не признала. Но его старшие коллеги по перу и по профессии — Григорович, Короленко, Толстой, Плещеев, Суворин, с первых же годов его литературной работы почувствовали его реальный, самобытный талант светившийся даже в его миниатюрных, непритязательных рассказах.

При всей необыкновенной деликатности, мягкости его, можно сказать, женственного характера, Чехов всегда был руководим непоколебимой, и собственной волей. Люди, к которым он был крепко и душевно привязан были одинаково совершенно безsilьны увлечь его в тот или другой (правый или левый) лагерь об-

щественно — политических настроений.

Продолжительная и глубокая азамная дружба существовавшая между Чеховым и А. С. Сувориным выдержала не мало серьезных испытаний. Но Чехов был искренен и лоялен к Суворину, а Суворин был искренен и глубоко привязан к Чехову. Однако, когда общественное мнение всего мира было взволновано делом Дрейфуса во Франции и когда Суворин поручил Чехову, жившему тогда на юге Франции, присылать корреспонденции по делу Дрейфуса в «Новое Время», Чехов не только отказался писать эти корреспонденции («в желаемом освещении»), но и сам решительно и одушевленно оказался на стороне оклеветанного Дрейфуса и на стороне, поднявшего голос всемирного протеста, Зола, к которому до тех пор Чехов лично относился без особого энтузиазма. И дружба Чехова с Сувориным была подорвана и уже навсегда.

Чехов слушал голос своего собственного ума и своего собственного сердца и тут он был непоколебим и беспощаден и к себе и к бывшим близкими ему людьми.

Доклад И. Л. Тартака был прочитан с присущей ему теплотой и глубочайшей любовью к самому культу русской литературы и русского искусства.

Благодарная аудитория разила шумно свое одобрение и признательность за содержательный и увлекательно прочитанный доклад.

В. В. В.